

Когда Линь Уцзю вышел на улицу, город напоминал растревоженный муравейник. Экипажи застыли на перекрестках в безнадежных заторах, и юноше не оставалось ничего другого, кроме как бросить нанятую карету и продолжить путь пешком.

Рабочие толпами валили на мостовые. Над головами плыл многоголосый гул, то и дело срывающийся в яростные выкрики:

— Стачка! Все на забастовку!

— Власть — народу!

— Рабочим — избирательное право!

— Парламент должен переизбираться каждый год! Каждый мужчина, достигший двадцати одного года, имеет право голоса!

— Долой монополию на власть! Дайте нам свободу и хлеб!

— Правители утопают в роскоши, пока те, кем они правят, гибнут от нужды и голода!

Протестующие то и дело останавливали прохожих, настойчиво протягивая им листы для подписей под петицией.

Линь Уцзю, выглядевший слишком юным и безобидным, поначалу не привлекал их внимания. Из чистого любопытства он сам подошел к одному из активистов и попросил экземпляр петиции, чтобы внимательно изучить её содержание.

В документе были четко изложены требования рабочего класса: создание национальных профсоюзов, введение всеобщего избирательного права, повышение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Это было оно — зарождающееся пролетарское движение.

Индустриальная революция породила огромный класс трудящихся, которые больше не желали быть безмолвным сырьём для обогащения сильных мира сего. Они жаждали политических прав, надеясь через закон изменить свою жизнь к лучшему.

Линь Уцзю, не колеблясь, вписал своё имя в список под петицией.

Усилия последних дней принесли плоды: рукопись «Мести Джека» была полностью завершена. По счастливой случайности именно сегодня Иоланду должны были выпустить из тюрьмы. Линь Уцзю собирался внести за неё залог, а заодно заглянуть в издательство «Глория», чтобы предложить им свою новую книгу.

Впрочем, освобождение Иоланды было лишь частью его плана.

Когда Дженни и Джек в прошлый раз отправились разносить рукописи, он попытался призвать карту Адониса.

Его постигла неудача. Возможно, дело было в том, что сам Адонис всё ещё томился в казематах Инквизиции под мощными магическими печатями?

И всё же, в каком-то смысле попытка увенчалась успехом.

Вместо самого примарха он призвал карту навыка.

Согласно описанию, она позволяла трижды вызвать фантом Адониса. Каждый призыв длился пять минут, при этом призракное воплощение наследовало восемьдесят процентов мощи оригинала.

Настал идеальный момент для эксперимента.

Он собирался призвать ауру Адониса прямо под носом у Бюро по расследованию ереси. Интуиция подсказывала ему: зрелище будет незабываемым.

Иоланда безучастно смотрела в пустоту, наблюдая за жуком, ползающим по краю её открытой раны.

Это нелепое насекомое деловито терзало своими жвалами омертвевшую плоть на её бедре. Девушка давно заметила: мелкие твари совершенно не чувствовали угрозы, исходящей от её крови.

Чего нельзя было сказать о крысах. Несколько грызунов забились в угол и, поблескивая бусинками глаз, с вожделением ждали момента, чтобы наброситься.

Пусть драконья кровь в её жилах изрядно разбавилась поколениями предков, её всё ещё хватало, чтобы отпугивать обычных зверей. Раньше воительнице стоило лишь выпустить свою ауру, как даже крупные хищники вроде тигров предпочитали спастись бегством.

Но крысы чувствовали её слабость. Они знали: она умирает. И они с нетерпением ждали возможности полакомиться её плотью.

Что ж, в этом они не ошибались. Она действительно была при смерти.

Два сломанных ребра, следы от плетей по всему телу, иссиня-черные пятна гематом, сломанное правое предплечье и выбитые зубы... Два дня назад у неё начался сильный жар.

Стоило поблагодарить новый «Закон о ереси», отменивший самые варварские пытки и оставивший лишь порку да побои, иначе её страдания закончились бы куда быстрее.

Она знала историю Инквизиции и представляла, как допрашивали узников десять лет назад.

«Груша страданий», колесование, железное кресло, тиски для груди и дробилки для коленей... Это были их любимые инструменты. В те не столь далекие времена смерть казалась истерзанному узникам величайшим даром небес.

Драконья кровь даровала узнице силу и регенерацию, недоступную простым смертным. Раны выглядели ужасающе, но при должном уходе и отдыхе они затянулись бы, не оставив серьезных последствий.

Убивали её голод и лихорадка.

Сколько она пробыла здесь? Неделю? Две? Время превратилось в серую вязкую массу. Она помнила лишь, что в первые дни ей давали немного пустой похлёбки, но потом о ней, казалось, просто забыли.

Конечно, можно было поймать крысу и протянуть ещё несколько дней.

Но в чем смысл? Если смерть — её неизбежный удел, то лучше встретить её достойно, перестав цепляться за жалкие крохи существования.

Вся её жизнь теперь казалась затянувшейся шуткой.

Она выросла в семье потомственных мясников, но знала — это лишь ширма. Фамилия Гарсия всегда означала «Убийца драконов». Имя Иоланда — «Мужество и Жертва».

Старики, родители — все твердили, что она наделена выдающимся даром. Говорили, что она рождена убивать драконов.

Её учили владеть мечом, стрелять из лука, сражаться в рукопашную и совершать

изнурительные переходы. Её обучали метанию копий, умению управлять каждой мышцей своего тела и пробуждать драконью кровь. Ей вдалбливали, как искать уязвимые места в чешуе и наносить точные, безжалостные удары.

Она знала повадки каждой твари, описанной в «Книге всех драконов», и наизусть помнила легенды о предках, спасавших целые королевства в одиночку.

Девушка действительно была талантлива. К десяти годам она превзошла в искусстве боя всех своих наставников.

Окрыленная, она верила, что впишет новую главу в историю мира и возродит славу рода, заставив умолкнуть всех, кто смеялся над ними.

В тринадцать лет, простившись с близкими, она отправилась в путь, чтобы найти своего заклятого врага.

Она искала его десять лет.

Она прошла Империю Лайт вдоль и поперек, перебралась на Восточный континент, а затем, преодолев океан, добралась до Нового Континента. Она исходила мир до последнего дюйма, не зная ни дня отдыха, даже хромота, заработанная в странствиях, не охладила её пыл. Но всё было тщетно.

Люди, слышавшие о её цели, лишь заходились в хохоте:

— Ха-ха! Драконы вымерли столетия назад!

— Дракон? Да это же сказочное чудище из детских книжек!

— Драконов не существует. Девочка, ты уже взрослая, неужели ты до сих пор веришь в эти байки?

— Твой род — убийцы драконов? А доказательства есть? Драконий зуб, капля крови, хоть коготок... Покажи, и тогда я тебе поверю.

На десятый год странствий, во время праздника Рождества Бога, когда хоры на расписных каретах возносили гимны, а Иоланда стояла на площади перед величественным изваянием Бога Солнца, она наконец признала очевидное.

В этом мире больше не осталось драконов.

Все её навыки, знания истории каждой чешуйчатой твари, непоколебимая вера семьи Гарсия — всё потеряло смысл.

Эпоха драконов и их убийц канула в небытие. Её амбиции, мечты, титанический труд и пот, двадцать лет жизни, потраченные на погоню за призраком, — всё оказалось прахом.

В двадцать три года она вернулась домой, взяла из рук отца тесак и надела материнский передник. Она замолчала и принялась за работу на бойне, забыв о несбыточных мечтах и пуская в дело свою молниеносную реакцию лишь для того, чтобы забивать свиней.

Иоланда очнулась от воспоминаний. По коридору донеслись тяжелые шаги. Они замерли у её камеры, ключ со скрежетом повернулся в замке, и дверь со стоном отворилась.

Дознаватель грубо скомандовал:

— А ну, выкатывайся!

Губы Иоланды тронула слабая, примиренная улыбка.

«Пришло время»

Она даже чувствовала какое-то странное облегчение от того, что после её смерти величественные драконы продолжают жить хотя бы в легендах.

С трудом опираясь на стены и придерживая сломанные ребра, она заставила себя подняться. Ноги дрожали, но она изо всех сил старалась сохранить достоинство. Смерть следовало встретить с поднятой головой.

Она молча последовала за тюремщиком через лабиринты подземелий, пока впереди не забрезжил свет.

Выйдя наружу, Иоланда на миг зажмурилась. Её зрачки, сохранившие инстинкты древней крови, мгновенно сузились, адаптируясь к яркому дню.

Земля была усыпана золотистой листвой, а ветви платанов вдоль дороги клонились под тяжестью плодов. Неподалеку голуби мирно пили воду из фонтана.

Рыцарь в белом торопливо вышел из круглого зала, миновав статую Бога Солнца с весами в руках, и даже не взглянул на застывшую у входа женщину.

— Хватит глазеть, шевелись! — нетерпеливо прикрикнул дознаватель.

Иоланда в замешательстве последовала за ним к выкрашенным белой краской железным воротам Бюро. Наконец она не выдержала:

— Куда вы меня ведете?

Неужели её казнят прямо здесь?

Дознаватель буркнул через плечо:

— Тебя выпустили под залог. Свободна!

— Под залог? — изумилась она. — Но кто это сделал?

— Да вон он стоит.

Иоланда посмотрела в указанном направлении и увидела худощавого черноволосого юношу.

Он стоял, прислонившись к стене здания на противоположной стороне улицы, и с легкой, едва уловимой улыбкой наблюдал за ней.

— Лэнс! — вырвалось у неё.

Это он? Но как? Зачем?

Она сделала шаг к нему, и в ту же секунду кровь в её жилах словно закипела. Неведомый порыв, первобытный и мощный, захлестнул её душу. Слабость отступила, а по телу разлился жар, подобный расплавленной магме, даруя угасающей жизни невероятный прилив сил.

Забыв о боли, повинувшись лишь дикому инстинкту, она резко развернулась.

Позади возвышалось главное здание трибунала Инквизиции — величественная ротонда. Судьи в алых мантиях, прокуроры в золотых капюшонах и рыцари в белых плащах сновали туда-сюда под бдительным взором белоснежного изваяния Бога Солнца, верша свой суд над миром.

И там, прямо над куполом залы, над самой головой божественной статуи, расправило крылья нечто колоссальное. Золотой исполин заполнил собой небо, взирая на мир с неоспоримым превосходством.

Его чешуя сияла ярче золота, ярче солнца, ярче любых сокровищ земли. Это был чистейший, первозданный блеск, который не смогла бы передать кисть ни одного смертного художника.

Каждая линия этого тела была воплощением совершенства — шедевр мироздания, триумф мощи и грации. Чудовище вскинуло голову, вперив в землю взор неугасимых огненных очей. Его рога, подобные зазубренным мечам, пронзали небо, а распахнутые крылья затмили дневное светило, бросив на город исполинскую тень.

Это было...

Это было невозможно!

— Дракон!!! — истошный, почти нечеловеческий крик разорвал тишину.

— Смотрите, там дракон!

— Боже правый! Я сплю?!

— Откуда здесь дракон?!

— Магические барьеры! Почему они не активированы?!

— Скорее! Зовите храмовников!

В центре этого хаоса, перед лицом перепуганных рыцарей и прокуроров, у самого порога «земного царства справедливости», последняя из рода убийц драконов и призрачный лик последнего дракона встретились взглядами. Их души соприкоснулись, отозвавшись ликующим резонансом.

Иоланда очнулась от оцепенения. Она разразилась безумным хохотом, слезы градом катились по её лицу. Она дрожала всем телом, приплясывая и размахивая руками, как ребенок. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой живой и счастливой.

— Дракон! Видите?! Это дракон! Они существуют! Предки не лгали! Я — настоящий убийца драконов!

— Да, да, ты убийца драконов! — дознаватель, обезумевший от ужаса, вцепился в её лохмотья, пытаясь спрятаться за её спиной. — Ну же, делай свою работу! Убей его!

Но на глазах у потрясенного тюремщика женщина прижала кулак к груди и склонилась перед монстром в глубоком, торжественном поклоне.

Это был рыцарский салют!

Потомок рода Гарсия отдавала честь дракону!

Дознаватель побледнел, окончательно уверившись, что сошел с ума.

— Иоланда Гарсия, последний Драконий всадник, готова служить вам! — выкрикнула она, не сводя восторженного взгляда с крылатого божества. В нём было всё: её одержимость, её мечты и та сокровенная цель, которую она тщетно искала десятилетиями.

В мире, где не осталось драконов, великая воительница стала мясником, чтобы сегодня переродиться в истинного Драконьего всадника.

В пространстве их слившихся душ Иоланда слышала голос — чистый, как горный хрусталь:

«Меня зовут... Адонис. Ты в порядке, мой рыцарь?»

Линь Уцзю стоял на обочине, наблюдая за этой невероятной встречей.

В его сознании бесстрастно прозвучал голос системы:

[Последний дракон в конце концов отыскал последнего рыцаря.]

[Успешная трансформация Иоланды из Убийцы Драконов в Драконьего всадника. Получена карта персонажа: «Иоланда Гарсия», Титул: Драконий всадник (■■■), Статус: доступна для призыва.]

[Сформирована история персонажа: Верность Убийцы Драконов]

[Если драконов больше нет, то и моё существование теряет смысл. Я отдам жизнь, чтобы защитить тебя, сохранив веру и славу человечества.]

[Именем рода Гарсия, я стану твоим рыцарем. Я вручаю тебе своё сердце и клянусь в вечной верности.]

Линь Уцзю раскрыл ладонь. К книгам «Мечь Джека» и «Борец с Солнцем» добавилась ещё одна. На её обложке красовались силуэты женщины и дракона, склонившихся друг к другу.

Название гласило: «Верность Убийцы Драконов».

«Всё становится гораздо интереснее...»

Это перо не переставало удивлять его. Что оно такое на самом деле? Высокотехнологичный инструмент будущего? Дар богов или сделка с дьяволом?

Юноша сжал руку и поднял глаза.

Дракон в вышине раскрыл пасть. В его горле начал раздуваться ослепительный, пылающий шар первозданной энергии. И нацелен он был прямо в изваяние Бога Солнца.

Магические печати в основании здания вспыхнули, пробуждаясь. Кольцо за кольцом, золотой свет разливался по защитному барьеру, укрывая Бюро сияющим куполом.

Драконий всадник Иоланда преклонила колена. Она замерла в незащитной позе, склонив голову и открыв шею в знак беспредельного доверия.

Драконье пламя, несущее в себе мощь, способную стирать города, обрушилось на золотой щит. Громовой взрыв сотряс землю.

Линь Уцзю развернулся, оставляя позади и фантом дракона, и Иоланду, и бесконечный гул канонады. Поток воздуха от взрыва взметнул полы его рубашки.

Ветер подхватил листок бумаги и бросил его прямо ему в руки.

Первые строки гласили:

«Ваша достопочтенная палата в её нынешнем составе не избрана народом и не служит ему. Она защищает интересы лишь немногих избранных, оставляя без внимания нужду, страдания и чаяния большинства»

Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен.

Это была эпоха «Мести Джека».

Эпоха, когда пролетариат начал свой великий поход.

<http://bllate.org/book/15857/1440019>